

Совместный проект Горбачев-Фонда с Институтом Гувера (США) «Устная история завершения холодной войны» осуществлялся в 1998-2003 годах (АГФ. Фонд № 10, опись № 2). Один из вопросов, заданных интервьюированным: «Какова Ваша оценка советско-американских саммитов того периода (Женева 1985, Рейкьявик 1986, Вашингтон 1987, Москва 1988)? Что было наиболее важным в этих встречах? Что Вам запомнилось больше всего?».

**«...Несмотря на жесткую атмосферу, по сути дела,
это был прорыв**

М.С. Горбачев. В общем, все, что мы делали, – визит во Францию, встречи с Брандтом и другими политиками Запада и, наконец, встреча в Женеве с Президентом Рейганом – это были шаги, посредством которых мы хотели выяснить намерения наших партнеров и в то же время сказать им кое-что важное, существенное.

Здесь надо упомянуть еще о двух вещах. Когда на похороны Черненко собрались лидеры Варшавского Договора, то я с ними встретился и сказал следующее: «Хочу вам заявить как Генеральный секретарь ЦК КПСС, что мы полностью вам доверяем, что у нас нет претензий контролировать, командовать. **Вы проводите политику, продиктованную национальными интересами, и несете за нее полную ответственность. Что касается наших общих интересов, мы встречаемся, вырабатываем линию и действуем.** **По сути, это была констатация конца «доктрины Брежнева». Это было сделано прямо и открыто...**

Второе принципиальное событие – встреча с Президентом Рейганом с очень основательной дискуссией и в муках рожденное Заявление лидеров двух стран, которые не встречались в течение шести лет. Здесь несколько важных моментов. Прежде всего – о том, что ядерная война недопустима, что в ней не может быть победителей. Сразу возникает вопрос: а чем мы занимались до сих пор, раскручивая гонку вооружений? Если мы пришли к такому выводу, значит, надо весь переговорный процесс переводить в другую плоскость. Это было далеко идущее заявление.

Вспоминаю, что, когда я подъехал в автомобиле, Президент вышел навстречу в элегантном костюме, протянул руку, которую я принял и, в свою очередь, крепко пожал. Мы посмотрели друг на друга, что-то промелькнуло такое, что я почувствовал: ничего, мы поладим. Интуиция. Потом мы ругались с ним, но все-таки встреча закончилась хорошо. Хоть и не всем это было по душе.

Тем не менее, **несмотря на жесткую атмосферу, по сути дела, это был прорыв**. В Женеве мы решили, что создаем возможности для контактов нашей молодежи, студенчества, для поездок, для знакомств. Это тоже был далеко идущий жест. Но и, наконец, восстанавливается авиасообщение, налаживаются контакты. То есть были сделаны конкретные шаги, которые много значили. Их было не так много, но Заявление и атмосфера имели колossalное значение. Уверен, Рейган – человек с воображением, интуицией – понял: произошло что-то важное, это надо развивать и наращивать.

Я встречался когда-то с Дюма, когда он уже не был министром. Мы вспоминали прошлое... Нам есть что вспомнить.

«А Вы знаете, – говорит он, – с чего все началось. У нас, когда Вы пришли к власти, вскоре в Хьюстоне была встреча министров иностранных дел...» (Они, наверное, готовили очередную встречу «семерки»... Или, вспоминаю, это была НАТОвская встреча. Тут важно настроение.) «Сидим мы, ждем встречи с Президентом США Рейганом. Он должен появиться. Прикидываем: сейчас будет накачивать, чтобы не поддаваться новому советскому руководству, чтобы блок был сплочен, дисциплина высокая, готовность дать отпор в любой момент – и политически, и пропагандистски, словом, быть на высоте. И вдруг приходит Рейган и говорит (мы были ошарашены): “Смотрите, вот пришел Горбачев – это новое поколение, новый человек. Я думаю, мы должны ему помочь и поладить. Потому что, мне так кажется, я реально оцениваю ситуацию”. Мы все, конечно, поддержали».

То есть, еще до того, как мы встретились с ним в Женеве, там тоже что-то происходило, намечалось...

Мы понимали масштабы нависшей над миром угрозы – и в Соединенных Штатах, и у нас. И, кстати, исследования – и отдельные, и совместные – показали, что возможен эффект «ядерной зимы» в случае ядерного конфликта. По сути дела, это означает угрозу существованию всего человеческого рода.

Теперь, когда позади Чернобыль, то мы можем представить, какая разрушительная мощь была создана только в наших странах, а всего было накоплено столько ядерного оружия, что тысячу раз можно было уничтожить все живое на Земле. В одной тяжелой ракете, что нашей, что американской, таилось сто Чернобылей. А ведь мы с Чернобылем не могли справиться общими силами. Всех приглашали, потому что не знали, что делать. И никто не знал. Потому что и опыта не было, и силища огромная, просто нам неподвластная.

Сегодня как будто нет уже ядерной угрозы. Правда, в последнее время начали все-таки говорить об этом, особенно после взрывов в Индии и Пакистане. Снова эта тема зазвучала. Я думаю, что мы рано начали благодушничать. Но, тем не менее, ядерная угроза отошла на второй план. И сегодня только обезумевший террорист, завладев ядерным устройством, может что-то предпринять. Поэтому проблема ядерного разоружения, ядерной безопасности не снята с повестки дня.

Но тогда эта угроза была абсолютно реальной. На советских радарах стаи птиц на севере мы часто принимали за американские бомбардировщики, которые двинулись на Советский Союз, а там, в Америке, точно так же – что мы начали какое-то наступление. Вообще говоря, всё так запуталось и переплелось, что ядерный конфликт мог начаться помимо воли людей, помимо политических решений, а просто в результате сбоя систем управления. Мы знали, что происходят сбои. И мы, и американцы знали это лучше всех. Именно это, я думаю, позволило нам с Президентом Рейганом в Женеве провозгласить абсолютную недопустимость ядерной войны.

Вопрос. *Что Вы думаете о советско-американских отношениях в 1985-1991 годах?*

М.С. Горбачев. Я думаю, что это одно из самых больших завоеваний внешней политики Советского Союза и Соединенных Штатов. Это та сфера, где произошли ключевые изменения. И то, что определило изменения международного климата. Это не значит, что мы были свободны от согласования позиций со своими союзниками по Варшавскому Договору. Это не значит, что Соединенные Штаты были свободны от согласования со своими партнерами. Все это оставалось, действовало.

Но все-таки то, что произошло в наших отношениях, имело решающее значение. Это входило в мою стратегию – решительно и коренным образом изменить отношения с Соединенными Штатами Америки. Не может быть, чтобы там сидели и день и ночь думали о том, как разнести вдребезги Кремль и СССР. Так же, как и нам это не приходило в голову. Но все-таки страх был и с той, и с другой стороны. В данном случае этот страх имел конструктивное значение, потому что и в Белом доме, и в Кремле знали, какие у нас арсеналы и чем это грозит, прежде всего для своей страны. Да, в общем-то, и для всего мира.

Поэтому мой выбор был таким. Если говорить о наших отношениях, то они, конечно, развивались на протяжении этого периода. Поначалу трудно было даже встречу организовать в Женеве. Как трудно мы к ней шли! А потом последовал Рейкьявик, еще до моего визита в США. И по дороге мы как-то становились другими...

Я считаю, что очень значимы первые два саммита: Женева (я уже говорил о ней) – это было очень важное начало, и Рейкьявик – настоящий прорыв...

А.Л. Адамишин. ...В Женеве в 1985 году я был. Тогда я был заведующим Первым Европейским отделом МИД СССР, а Швейцария входила в Первый Европейский департамент. Поэтому я туда ездил, видел всю эту атмосферу. Мы с Андрюшой Грачевым до сих пор вспоминаем, как это было в ноябре в Женеве. И я тогда помню, что на меня сильное впечатление произвел Рейган. Это чисто бытовое впечатление. Он у нас изображался как

актер, как, в общем-то, недалекий человек и так далее. Но когда я с ним знакомился, поздоровался, я увидел в его глазах главное – неподдельный интерес к человеку, с которым у него только рукопожатие, несколько секунд. Глаза человека, который интересуется...

Г.А. Арбатов. (*В 1985 году директор Института США и Канады АН СССР.*) Всё было запущено, все переговоры застряли. Я считал, что, возможно, надо быстрее снимать напряженность, но, честно говоря, я не был большим сторонником встречи в верхах с Рейганом в Женеве. Я не выступал против нее, но не был ее сторонником. Я считал, что Рейган к серьезному разговору не готов, это ничего не даст. А для Горбачева это был его первый крупный политический шаг. И чтобы поездка кончилась ничем – это Горбачеву не нужно было. Я думал, что надо, чтобы немножко созрела обстановка, и созрел Рейган. А потом, честно говоря, я боялся, чтобы чего-нибудь не произошло с Горбачевым, боялся террористического акта, потому что тогда настолько всё висело на одном человеке.

В Женеву он меня послал раньше, меня и целую группу других людей. Ты с товарищами, сказал он, подготовь почву. Я сказал, что при одном условии – если Замятин не поедет туда, с Замятиным я работать не буду. Он говорит: «Ладно, он позже приедет». Я говорю: «Ну, ладно».

Помню, мы встретились после первой встречи, первых разговоров с Рейганом, Горбачев говорит: «Просто не понимаю: ничего, ни слова не дождешься в ответ. Я захожу с одной стороны, с другой, а толку никакого». Рейган действительно был, по-моему, не готов.

Хотя он ничего плохого особенно не сделал в последние полгода, но партнером еще не стал. Когда они подписали документ о том, что в ядерной войне не может быть победителей, я с облегчением вздохнул. Потому что у нас я вел споры по этому поводу с военными, которые говорили: как так – деморализовать армию? Как же можно призывать людей служить, если нет победителей, не может быть победителей в ядерной войне? Я говорю: а что – вы считаете, что может? Ну, они так прямо не говорили, но против таких

заявлений были категорически. Потому я это Заявление воспринял с облегчением, хотя бы с той стороны, что немножко поутихнет наш ВПК. Но это был, пожалуй, единственный ощутимый результат. И еще, что нам впервые удалось, – это Public Relations. В этом смысле мы добились в Женеве настоящего прорыва. Мы впервые показали, что мы можем быть и в этом плане не хуже американцев. Я считаю, что мы были даже лучше их.

Всё это не так уж много, но достаточно, чтобы сам факт, – что была встреча, – как-то позитивно подействовал на людей. И это привело к сворачиванию ожесточенной, риторической войны. Поспокойнее стал тон печати, всё стало приходить в норму.

А.А. Бессмертных. (*В 1985 году заведующий Отделом США МИД СССР.*) Это время, когда я как раз познакомился с Михаилом Сергеевичем – 1985 год, – впервые готовя его первую встречу с американским Президентом в Женеве.

Горбачев совершенно правильно принял решение в то время: сделать ставку прежде всего на развитие связей с Соединенными Штатами. Это было ключевое направление. Он прекрасно понимал, что если мы с Соединенными Штатами развиваем связи достаточно успешно, естественно, облегченно, то более легко будут развиваться отношения с европейской группой государств, да и со всем миром как таковым. И это было правильное решение. Коль это так было принято, я полностью это поддерживал, то есть, естественно, мне приходилось быть и на заседаниях Политбюро, особенно когда я был замминистра, и несколько раз, когда был заведующим отделом, участвовать там, в основном в пассивной форме, слушая и иногда выступая, если меня просили. Естественно, готовил все документы по этим вопросам вместе с коллегами из окружения Генсека, потом Президента. Изначально эти «болванки» готовились у нас, потом они, как говорил Черняев, «отгорбачевливались» наверху. И как раз мое такое прямое первое знакомство с Горбачевым произошло в Женеве, поскольку я отвечал за подготовку итогового документа по его встрече с Президентом и сидел там с ними дни и

ночи. В последнюю ночь, когда этот документ должен был уже лежать у него на столе, делегация собралась, а документа нет. А в это время мы (мы сидели в Женеве по очереди то у нас, то у американцев) сидели в американской миссии, дорабатывали документ, столкнувшись с рядом труднейших моментов. Причем принципиального такого плана. Один из труднейших моментов был, когда Михаил Сергеевич звонил Шульцу ночью...

А дело-то было в чем? Дело было в том, что кое-кто из руководителей МИДа тогда дал такую установку, что будет итоговый документ – хорошо, а если его не будет – то даже лучше... Я получаю эту инструкцию и, естественно, веду себя весьма фривольно, не соглашаясь с тем, что мне было неприемлемо. И в то же время, правда, работал. Мы документ фактически почти сделали. Но было пять-шесть пунктов, по которым не было согласованности, в том числе вопрос о недопустимости ядерной войны.

Это был первый фундаментальный вопрос двусторонних взаимоотношений лидеров СССР и США по такому вопросу. Возможна ли ядерная война или нет? Кстати, это фундаментальный вопрос. Это смешно сейчас, оглядываясь назад, говорить на эту тему, но тогда это было очень важно. Никто никогда не произносил этих слов на таком уровне. У нас шла постоянная борьба с американской стороной на этот счет. Вот тогда меня вызывает в час ночи Горбачев и говорит: «Ну, докладывай, что там с документами творится, с итоговыми». Я ему всё изложил и рассказал о трудностях, с которыми мы столкнулись, в частности по ядерной войне.

Он говорит: «Ну, хорошо. Какие варианты-то тут возможны? Вот мы уперлись там в одну формулировку. Мы можем и на такой вариант пойти, вот американцы, в частности, предлагают, вполне приемлемо. Так и нужно действовать. Суть не меняется? Не меняется. Давай». Все вопросы моментально развязал. Где-то к двум часам я поехал в американскую миссию, и мы всё разрешили. Это было первое такое мое общение с ним. Я был потрясен очень глубоко тем, как можно решать вопросы. А поскольку в моей судьбе было четыре года, когда я молодым работал помощником у Громыко,

junior такой, совсем молодой, в общем-то, я знал немножечко, как работают другие. И, конечно, вот эта манера Горбачева увидеть проблему, разрезать ее, чтобы сок брызнул, и принять решение меня просто восхитила, и с тех пор я был, конечно, его абсолютным адептом. Он был моим героем все время...

Поначалу, когда Рейган пришел к власти (я в это время был в Вашингтоне посланником), приход ультраконсервативной публики в Вашингтон просто ошарашил нас всех. Люди были, даже для нас, проживших там много лет, очень незнакомые. Они, как будто, из странных мест вышли с совершенно поразительно махровыми взглядами... Рядом с посольством расположен университетский клуб. И Добрынин предложил сделать там обед для очень большого числа тех, кого называли «рейганотами». И все сели за столы. Примерно человек сто, наверное, было в общей сложности... Шел обед, все беседовали. Понимания в отношении Советского Союза никакого, то есть – это империя зла и всё, больше ничего не надо, и желания что-нибудь еще узнать нет. Империя зла – и всё, какой разговор? А потом мы дали концерт силами детей нашей посольской колонии. Наши посольские дети спели, сплясали. Рядом со мной сидела пожилая дама с мужем. Она говорит: «Скажите, а где Вы наняли этих детей?». Я говорю: «Как, где наняли?». Она говорит: «Но это же не могут быть русские дети?». Я говорю: «Почему это не могут быть русские дети?». – «А потому что они симпатичные. Русские же дети не могут быть симпатичными...».

И вот это меня настолько потрясло... Я потом сказал Добрынину: «Вот ведь какая публика». Он говорит: «Но это – крайность». То есть, действительно, – это была крайняя публика. Но и во внешней политике это всё поначалу очень чувствовалось – этот затянувшийся период в отношениях, охлаждденный период.

Как раз 1985 год, может быть, и был такой переломный. Хотя налаживание отношений началось немножко раньше, но главная проблема в то время была не стратегическая, а проблема прав человека. Громыко совершенно не терпел эту тему, и тут, конечно, коса на камень постоянно

находила... А как раз администрации сначала Картера, а потом Рейгана очень активно этот аргумент использовали в отношении Советского Союза.

В марте 1983 года Соединенными Штатами была выдвинута программа «звездных войн». В течение примерно около года лихорадило наше руководство. Но где-то с 1984 года мы переболели страхом перед СОИ, когда уже поняли, что это, в общем, нереализуемая вещь и что у нас есть возможность на это все реагировать. Так что где-то примерно год у нас ушел на то, чтобы понять, что все это – в известной мере блеф. Скорее всего, это была, действительно, любимая идея Рейгана... Мечта его. И он на ней настаивал, и все остальные просто соглашались из вежливости. А военно-промышленный комплекс потирал руки в ожидании новых миллиардов долларов. Кстати, всё это нарастало.

И тут появляется Горбачев со своей открытостью. И первая встреча с Рейганом, Женева, уже была очень нормальной. И начинаются очень любопытные изменения в подходе и американского Президента, налаживаются контакты между Рейганом и Горбачевым. Отношения пошли... То, что начались регулярные, ежегодные встречи президентов, было, конечно, явлением уникальным. Это укрепляло тенденцию на позитивный ход вещей и создавало мощную базу для разработки конкретных программ наших взаимоотношений.

Были ли отношения равноправными? Ну, вы знаете, я не знаю случая, чтобы эти отношения где-то проявили свое неравноправие в какой-то форме, в правовом смысле, политическом, личностном смысле и т. д.

В некоторых областях, естественно, равноправия не могло быть, потому что были разные весовые категории. В ряде систем, скажем в экономике, закупка нами зерна постоянно в Соединенных Штатах. Если мы покупаем, то покупатель и продавец – нельзя их назвать равноправными...

Соотношение сил на протяжении этого периода? Я бы сказал так: мы создавали новую структуру взаимоотношений на мировой арене, когда начали налаживать отношения с Соединенными Штатами. Как только

СССР и США начали налаживать эти связи, естественно, пошли более легко наши отношения и с Европой, и с другими частями света, и с Китаем, и с Японией и т. д. ...Правильно были выбраны стратегия и тактика налаживания отношений с США в первую очередь, что являло собой ключ к раскрытию многих дверей, до того захлопнутых ввиду противостояния в холодной войне.

...В Женеве впервые президенты коснулись темы: может ли быть ядерная война между двумя странами или нет. До сих пор это считалось само собой разумеющимся, что может. Ради чего же мы тогда накапливали эти вооружения? У нас их с десятки тысяч боеголовок возникло. Само собой, все исходили из того, что, конечно, возможна ядерная война. И писалось об этом, и планы порой проникали через страницы газет о том, что вот среди систем нацеливания там есть такие-то города. Всё считалось возможным. И впервые, при первой встрече, два президента договариваются о том, что ядерная война не только невозможна, но ее не стоит и нельзя вести. В ней не будет победителя.

Но это сейчас кажется настолько само собой разумеющимся, но представьте себе – это 1985 год, через два года после объявления Рейганом программы «звездных войн», необходимости уничтожить и выкинуть на помойку истории «империю зла». И вдруг увидели, что, на самом деле, она не только невозможна, но и вести ее нельзя, потому что победителя не будет. Значит, это был потрясающий ход. Это по существу заложило мощный, гранитный фундамент под дальнейшие переговоры о реальных сокращениях стратегических и ядерных вооружений. К сожалению, сегодня как-то полузабыты и ослаблены усилия, которые принимаются по ядерному вооружению. Сегодня опасность пока сохраняется...

О.А. Гриневский. (В 1985 году руководитель делегации СССР на Стокгольмской конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе.) ...Советско-американская встреча 1985 года в Женеве была, пожалуй, самой непродуктивной из всех, какие были. Хотя почему-то в

печати о ней пишут как о каком-то «прорыве». Я помню, что Горбачев был не то чтобы очень недоволен, но как-то скептически настроен. Потому что Рейган все время рассказывал анекдоты. И Горбачев никак не мог найти свою нишу, он хотел о делах, а тут больше – истории, анекдоты.

…Конечно, сама по себе встреча Рейгана и Горбачева – это событие, и важное событие, просто в силу объективных причин предыдущие наши правители были умирающими старцами, которые даже встретиться не могли. Это – первая встреча на протяжении многих лет… Это уже само по себе событие. Но с точки зрения того, что они понравились друг другу? Мое ощущение от того, что я видел тогда у Горбачева, что Рейган ему не понравился. И даже в конце встречи сохранилось такое скептическое отношение…

То, что в коммюнике записано, можно считать важным, но это опять-таки те общие слова, к которым мы на практическом уровне настолько привыкли, что реального значения, конечно, нет. Так скептически относились к таким вопросам, как, например, неприменение силы. Это больше символы, чем реальная политика… Символы, безусловно, имеют значение в реальной политике. Но не надо их на особое место ставить…

Начать с того, что после Женевы Советский Союз – Горбачев – по сути дела, затормозил все остальные встречи, требуя, чтобы были какие-то конкретные договоренности, ради которых они встретятся дальше. То есть настолько Женева ему не понравилась (это опять общий треп с анекдотами), что он говорит: давайте мы сначала договоримся. Причем он даже обозначил договоренности: это прекращение испытаний и РСМД (или РСД), вот эти два вопроса. Было поручено вести эти переговоры для того, чтобы на высшем уровне их затвердить. А американцы подходили к этому вопросу так: нет, мы не будем связывать себя обязательствами, мало ли что мы договорились. Давайте мы договоримся о встрече. Успеем хорошо подготовить. Но у нас широкий круг вопросов, не надо ограничиваться только этими договоренностями. Там есть права человека и то, и другое. У них, по-моему,

до двух десятков тем было тогда в повестке дня... И потом уже в качестве такого компромисса «вылез» Рейкьявик, по нашей инициативе. Но опять-таки мы там ни о чем не договорились.

В.В. Загладин. (*В 1985 году первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС.*) Я бы сказал, что, на мой взгляд, встреча в Женеве имела очень большое значение. Хотя, казалось бы, никаких договоров заключено там не было, каких-то крупных решений не было принято, – политических решений, которые давали бы конкретный результат, – но тем не менее встреча была исключительно важной. И прежде всего по причинам человеческим. Это была первая личная встреча двух лидеров, и оба прониклись какой-то симпатией друг к другу. Спорили, туда-сюда гоняли проблемы, но увидели: они могут вести диалог.

Кстати, лица, сопровождающие и Рейгана, и Горбачева, то и дело пытались затормозить рождение их симпатии друг к другу, подбрасывали позиции, нагнетающие старые подходы. Но надо отдать должное обоим: они всех выслушивали, но продолжали свое дело. **Их дискуссия, конечно, носила в значительной степени общефилософский характер. Но именно это-то и было важно, потому что в области общефилософских, политико-философских взглядов их позиции оказались более близкими, чем по конкретным делам. В частности, в плане неприятия ядерной войны.** Затем вытекающая отсюда позиция – ни одна сторона не будет стремиться к превосходству над другой. Наконец, возможность политического решения региональных конфликтов. Это всё вытекало из общей философии. Но, повторю, тогда еще не было конкретного обсуждения – Ангола или Латинская Америка. Был общефилософский подход. И он оказался очень нужным. Он имел огромное значение для всего последующего.

Уехали они из Женевы, несмотря на то, что не пришли к конкретным политическим решениям, с чувством симпатии и какого-то доверия друг к другу. Поняли, что разговаривать можно, что не разойдемся в разные стороны

просто так. Это было тем более важно, что общефилософские принципы были записаны в общем документе. Сначала документ вообще не предполагался, потом его стали создавать. Опять же возникали помехи со стороны сопровождающих лиц с той и другой стороны, но потом они были успешно преодолены, и Женевская декларация стала очень важной вехой на пути к преодолению холодной войны...

Причем Женева – психологический перелом в личных отношениях двух деятелей. Рейкьявик – в международно-политическом плане, в плане возможности достижения договоренности, которая ранее отрицалась и той, и другой сторонами. А дальнейшие саммиты закрепляли и развивали достигнутый результат...

В.Н. Игнатенко. (*В 1985 году заместитель заведующего Отделом международной информации ЦК КПСС.*) Я считаю, что мы и с сегодняшнего дня должны оценивать переговоры 1985-1991 годов очень высоко. Если бы мы с вами жили в 1985 году, то мы бы сказали: это было немножко не так, здесь что-то недоговорили и т. д. Сегодня же мое поколение воспринимает ту плеяду переговоров на высшем уровне как один большой саммит. Сегодня бы его не делили на Женеву, Рейкьявик, Мальту, Вашингтон или на Москву.

Это было время движения. Вот это мне запомнилось. Нельзя сказать, что мы шли от простого к сложному. Ничего подобного. Мы все время усложняли сложные задачи, упрощали решение сложных задач, не делали вид, что не понимали, – мы говорили, что не понимаем. За эти четыре-пять лет наши страны прошли очень большой путь, чтобы научиться слушать и научиться слышать друг друга.

...Я считаю, что отношения с главами государств и вообще отношения между политиками должны от служебных отношений переходить к доверительным. Без этого сегодняшний мир, я думаю, будет обречен на всевозможные приключения. Доверие между лидерами должно обязательно существовать. И очень хорошо, что сейчас становится для всех понятным, когда встречается «восьмерка», и лидеры выходят фотографироваться в

свободной манере... Мы часто иронизируем (но политики для этого и созданы, чтобы над ними иронизировать), когда звучит: «друг Борис», «друг Билл». Но это нормально.

П.Р. Палажченко. (*В 1985 году переводчик советской делегации на встрече в Женеве.*) Общее представление о Рейгане было негативным у очень многих в стране, в том числе и у представителей прогрессивного крыла академической науки, МИДа, ЦК и т. д. Некоторыми своими заявлениями об «империи зла» и т. п. Рейган, конечно, создал себе негативную репутацию.

Я вспоминаю незадолго до Женевской встречи статью Бовина в «Известиях», где он в такой нормальной, вежливой манере давал понять, что с этой администрацией ничего не получится. Учитывая, что статья была написана человеком, несомненно, мыслящим, несомненно, желающим улучшения советско-американских отношений, это произвело на меня впечатление – негативное впечатление.

Мне кажется, что уже тогда у нас в обществе и в руководящих кругах было достаточно людей, которые понимали, что исходить надо из того, что есть руководитель, с которым необходимо иметь дело, он избран американцами, это Президент демократической страны и с ним надо считаться и договариваться.

У меня у самого было такое ощущение, и я помню, как такую же мысль как-то в кругу своих людей (если не ошибаюсь – в Женеве) высказал и Горбачев. Чисто негативное отношение к Рейгану было широко распространенным, но оно не было единственным. Были и более нюансированные мнения, учитывающие то, что, скажем, такой консервативный, реакционный Президент США, как Никсон, пошел на очень серьезную договоренность и с Китаем, и с Советским Союзом. Некоторые люди это вспоминали и говорили, что договариваться надо, конечно, именно с Рейганом. Такое мнение тоже существовало.

...Самую первую беседу переводил не я. Но я помню, как они встретились, я помню, как шла беседа уже в более широком составе с участием

министров иностранных дел и советников. У меня осталось очень положительное впечатление об этой встрече, потому что мне казалось, что, несмотря на все различия в позициях, оба руководителя – и Рейган, и Горбачев – очень не хотят провала, очень хотят, чтобы начался новый этап. И это было почти физически ощутимо: для них это не что-то формальное – желание о чем-то договориться, желание сдвинуть отношения с мертвой точки, а для них в этом есть немножко личное. Я почувствовал это их личное желание. Это был для меня приятный момент.

А что касается содержания, то это и американцы услышали, Рейган это услышал, услышали советники, которые очень внимательно прислушивались. Я это услышал с большим воодушевлением для себя. Скажем, Горбачев в одной из первых бесед намекнул на то, что Советский Союз всерьез думает об уходе из Афганистана. Я сейчас уже не помню (надо посмотреть запись этой беседы), как это было сказано, но то, что намек был сделан, и то, что намек был понят, это я почувствовал.

И были другие вещи содержательного характера. Мне кажется, что обе стороны дали определенные намеки на гибкость и в некоторых других вопросах, касающихся и СОИ, и стратегических вооружений, и Европы.

Потом, мне показалось очень важным, и Горбачев это постоянно сейчас подчеркивает, что в заключительное коммюнике включили положение о том, что в ядерной войне не может быть победителя, и она никогда не должна быть развязана. Мне это показалось очень важным, потому что и в советских, и в американских военных кругах было достаточно много людей, которые рассматривали ядерную войну как нечто вполне мыслимое.

Дискуссия о нейтронной бомбе, дискуссия о гражданской обороне, некоторые другие дискуссии в США, за которыми я следил, показывали, что в американском руководстве и в американских военных кругах точка зрения о том, что ядерная война вполне мыслима, имела своих сторонников. То, что Рейган подписался под совершенно иной позицией, мне казалось чрезвычайно важным.

Я, честно говоря, рассматривал встречу как первое знакомство. Я думал, что если удастся хоть немножко улучшить атмосферу, то это уже будет неплохо. И поэтому я лично считал, что было бы правильно не готовить каких-то совместных заявлений, потому что работа над совместными заявлениями часто бывает очень полемическим занятием, которое вызывает больше трудностей, чем дает позитивные результаты. Такова же была и позиция американской стороны. Советская сторона считала, что следует подготовить совместное заявление. И в итоге совместное заявление было принято. И я считаю: в нем было много полезного. Так что моя точка зрения оказалась неверной... На эту тему разногласий (*в делегации Советского Союза*) не было. Добрынин мне тоже говорил: «Ну, что же, американцы сейчас приехали, вроде решили писать совместное заявление. А надо было готовить его заранее». Все в составе советской делегации считали, что совместное заявление желательно. И в конечном счете усилиями Бессмертных с нашей стороны, а с американской стороны – Риджуэй совместное заявление удалось скомпоновать. Но если бы его не было, мне кажется, опять-таки в советской делегации не было бы больших разногласий насчет того – нужно заявление или не нужно. Все ощущали, что оно желательно. Мы так привыкли работать. Мое личное мнение было таким, что без него можно было обойтись. В итоге я оказался не прав.

С.П. Тарасенко. (*В 1985 году заместитель заведующего Американским отделом МИД СССР.*) ...Конечно, встречи на высшем уровне – это наилучший катализатор, это та вещь, которая дает толчок всему комплексу отношений, в том числе тому пределу, дальше которого не могут пройти министры, не могут пройти делегации на переговорах. И встреча на высшем уровне позволяет перешагнуть эту черту, выйти на более открытое пространство и получить возможность для дальнейшей игры, для дальнейшего продвижения вперед. Это объективный показатель, потому что встречи на высшем уровне как бы заранее обречены на успех. Встречи происходят тогда, когда стороны надеются, что они кончатся хорошо, что они дадут какие-то ощутимые

результаты или, во всяком случае, можно представить общественности, что вот эта встреча оказала позитивное влияние на развитие, скажем, двусторонних отношений и на общую международную обстановку. Эти встречи позволяют все мелкие, нерешенные вопросы отодвинуть, сбросить, что в других условиях не получается. Потому что у разных ведомств разные интересы, они цепляются за свои крохи какие-то: не отдадим этого, будем на этом стоять. А тут они как бы перешагивают через это. Это уже остается сзади и не имеет значения. Это, конечно, объективная вещь. Это не только советско-американская, это любая встреча на высшем уровне, скажем с европейской страной, с Японией, с кем угодно, объективно дает такие результаты.

Но советско-американские встречи важны были для установления человеческого контакта прежде всего. Понимаете, когда мы – «империя зла», вы – империалисты-агрессоры, жандармы мира и т. д., а тут встречаются люди, которые нормально говорят, нормально общаются, обнаруживается, что всё не так страшно, не так всё черно. Есть какое-то понимание, можно договориться. Есть, естественно, позиции, по которым в данный момент никакого компромисса не может быть. Это нам не подходит, это вам не подходит. Но есть большая сфера, где человеческий контакт, когда вы читаете бумаги, скажем, телеграммы из посольств, вот тут администрация делает то-то, то-то; президент там позволил себе какие-то заявления и т. д. И вот встречаетесь один на один и говорите по-человечески, простым языком, что мы можем сделать, да, ситуация плохая, надо было что-то улучшить, надо было отойти тут от каких-то привычных штампов, устоявшихся традиций нехороших, которые сложились. И тогда дается импульс другим. Ведь обычно даются поручения. После этого и министры иностранных дел, и военные министры, и все другие чувствуют себя немножко посвободнее. Нравится или не нравится, но встретились лидеры, у них установилось какое-то взаимопонимание, они выражали какие-то пожелания. То есть появляется какая-то повестка дня для уже повседневной работы, новый импульс дается. И начинают шевелиться все ведомства так или иначе, ибо президент – это президент. Генеральный

секретарь – это Генеральный секретарь. Они сказали, что написали бумагу, заявление сделали, что там, скажем, война ядерная не должна вестись, никто не выиграет в войне. Это политическое заявление, за которым многое следует. Если просчитать это, тогда зачем делать новые ракеты, зачем вооружаться, надо искать путь как бы вниз идти. Это создает новую инерцию, новое движение вперед уже. Как вы ни хотите, этот импульс потом через какое-то время тоже приходит к какому-то затуханию, и требуется снова работа, работа и подготовка следующей встречи. И опять толчок, чтобы лодка эта двинулась, чтобы люди за весла взялись и начали бы немножко гребсти.

«...Женева – это начало. И значение ее состоит в том, что Горбачев поверил в то, с Рейганом у него может получиться»

А.С. Черняев. (*В 1985 году заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС.*) ...Горбачев встретился с Рейганом. В Женеве я не был, только читал материалы и сужу по его рассказам. В Рейкьявике я был и наблюдал там за ним и Рейганом. Уже в Женеве Горбачев почувствовал, что перед ним не только противник, который будет железно отстаивать свои позиции, а и человек со своей моралью и убеждениями, человек, который искренне не хочет войны, искренне хочет сделать так, чтобы ее не было. Искра проскочила между ними еще в Женеве. А в Рейкьявике очень сильно закрепилось убеждение, что то, о чем они договорились в Женеве – войны не допустить, – реально и можно этого добиться именно с этим Президентом США.

...Женева – это начало. И значение ее состоит в том, что Горбачев поверил в то, что с Рейганом у него может получиться. Поэтому и начал действовать в духе договоренностей, которые состоялись в Женеве. Поэтому же у него вызвало разочарование, раздражение тот откат, который стал наблюдать после Женевы в позиции американской администрации... Топтание на месте, риторика, публичная демонстрация миролюбия, а на самом деле все по-прежнему.

Рейкьявик был переломным. Это был прорыв к новым отношениям. После Женевы он еще не раз говорил и нам говорил и даже однажды Шульцу задал вопрос: вы что – будете тянуть до тех пор, пока новая администрация не придет? Я ведь политику не изменил. Придет новая администрация, я буду продолжать то же самое. Вы хотите ей, новой администрации, в руки отдать то, что мы вместе с вами уже сделали во изменение международной ситуации?..

С Рейганом у Горбачева складывались отношения любопытные. Горбачев понимал и учитывал, что президент пользуется огромным моральным авторитетом в своей стране. В этом его сила, и именно поэтому он может решать вопросы мирового значения. Поэтому Горбачева не смущало, что Рейган не склонен заниматься переговорными деталями. Когда начинали копаться, сколько там ракет, сколько там танков, Рейган начинал скучать, отключался. И Горбачев, видя это, обычно говорит: может быть, министров позовем? Министры – Шульц и Шеварднадзе – приходили и разбирались во всех этих ракетах и т. п. Горбачев посмеивался над этой особенностью Рейгана, но сумел его оценить по крупному счету. Ибо понимал, что у Рейгана есть большая настоящая гуманская идея. **Почему Горбачев до сих пор почитает Рейгана, почему он так высоко его ценит? Потому что считает, что при Рейгане была заложена близкая и реальная перспектива прекращения холодной войны**, с помощью Шульца, конечно. Человеческие качества президента и генсека включались в политику очень сильно, включался фактор личного доверия на высшем уровне...

А.С. Грачев Из книги «Последний день Президента СССР. Свидетельство очевидца. Воспоминания помощника Президента Советского Союза». М., 2022. С. 49-56.

**«РОН И МАЙКЛ»
САММИТ В ЖЕНЕВЕ**

Я впервые встретился лицом к лицу с Михаилом Сергеевичем в Женеве во время первого советско-американского саммита, в рамках которого

встречались Горбачев и Рональд Рейган. Саммит состоялся после шестилетнего перерыва со времени встречи Брежнева с Картером в Вене.

К этому времени атмосфера советско-американских отношений безнадежно испортилась. Заменивший Брежнева Андропов в своем окружении прямо называл Рейгана фашистом, способным развязать ядерную войну против СССР. После решения НАТО разместить в странах Западной Европы американские ядерные «Першинги» и крылатые ракеты в ответ на установку нацеленных на Европу наших евроракет СС-20 все переговоры по вопросам ядерного разоружения между двумя странами были прерваны.

Почти как в 1962 году во время кубинского ракетного кризиса, две сверхдержавы находились на грани ядерной катастрофы и третьей мировой войны. После скандала, вызванного тем, что наши системы ПВО на Дальнем Востоке по недоразумению сбили 1 сентября 1983 года над Охотским морем южнокорейский гражданский самолет с 269 пассажирами на борту, мэр Нью-Йорка запретил принимать в аэропорту Далласа самолет «Аэрофлота», на котором А.А. Громыко летел в США на очередную Генеральную Ассамблею ООН. Громыко пришлось отменить поездку. Когда через некоторое время он встретился со своим американским коллегой Джорджем Шульцем, тот демонстративно отказался пожать ему руку.

Состоявшиеся в ноябре этого же года стратегические маневры Able Archer стран НАТО, имитировавшие ядерную атаку против СССР, были истолкованы военными и членами Политбюро как прикрытие для подготовки реального обезоруживающего ядерного удара по советской территории. В ответ ядерные ракеты в СССР были приведены в боевую готовность, а бомбардировщики 4-й воздушной армии, базировавшиеся в ГДР и Польше, получили приказ готовиться к вылету с ядерными бомбами на борту. Кризиса удалось избежать после того, как командование НАТО, осознав причину активизации советских ядерных сил, предприняло демонстративные шаги по деэскалации напряженности.

Опасный тупик, в который уперлись в своем соревновании две сверхдержавы, стал для их руководителей очередным моментом истины. Несмотря на то что у каждой из сторон время от времени появлялся соблазн «раскачать лодку» стратегического равновесия, надеясь добиться хотя бы временного перевеса, никто не хотел ее переворачивать.

Это понимал даже «фашист» Рейган, начавший после переизбрания на второй срок искать подходы к Кремлю, чтобы восстановить прерванный диалог. Однако ему фатально не везло. «Всякий раз, когда я собираюсь поговорить с кем-то в Кремле, – жаловался он своему окружению, – они умирают».

Появление во главе СССР 54-летнего лидера лишило Рейгана возможности воспользоваться этой отговоркой. К тому же любопытство американского Президента и желание встретиться с Горбачевым подогрели отзывы о новом советском лидере Маргарет Тэтчер и Франсуа Миттерана, уже принимавших его в Лондоне и Париже. Свое предложение встретиться, не откладывая, Рейган передал Горбачеву через Джорджа Буша, приехавшего в Москву на похороны Черненко.

Как профессиональный актер Рейган даже решил порепетировать встречу в Женеве, предложив Джеку Мэтлоку, будущему послу в Москве, сыграть роль Горбачева в воображаемом диалоге двух лидеров. Мэтлок, напоминавший Горбачева и ростом, и плотным сложением, задавал Рейгану неудобные вопросы, на которые тот должен был отвечать без запинки.

За два дня до начала саммита американский Президент самолично проинспектировал зал заседаний на вилле Флёр д’О, где должна была состояться первая встреча президентов. Он уселся в предназначеннное для него кресло и попросил свою жену Нэнси сесть напротив него на место Горбачева. Поглядев на нее, Рейган сказал: «Знаете, г-н Генеральный секретарь, вы выглядите привлекательнее, чем я думал».

Как утверждает Нэнси, именно ей пришла в голову идея, чтобы ее муж предложил Горбачеву продолжить переговоры в более интимной обстановке

– «у камина» во флигеле на берегу озера. Именно здесь американский Президент и произнес, обращаясь к советскому лидеру, заранее заготовленную для него и международной прессы фразу: «Мы оба в состоянии развязать третью мировую войну, но именно мы способны подарить планете надежду на мир».

Такая тональность беседы вполне отвечала намерениям Горбачева использовать встречу в Женеве, чтобы, по его словам, «сломать лед» в отношениях СССР с Западом, и в особенности убедить лидера западного мира, что к руководству страной в Москве «пришли другие люди». От успеха этой операции по завоеванию доверия американского Президента зависело решение главной задачи, которую онставил перед собой, отправляясь на саммит: втянуть Вашингтон в новую разрядку, которая переломила бы логику конфронтации.

Сам Горбачев, готовясь к Женевскому саммиту, тоже тренировался, но отрабатывал свои аргументы не перед Раисой Максимовной, а на заседаниях Политбюро, когда говорил: «Объясните мне, что такое безопасность. Для меня – это обладание достаточным потенциалом отпора, чтобы нанести потенциальному агрессору неприемлемый ущерб. Если у нас такой необходимый потенциал существует, значит, наша безопасность обеспечена, все остальное – бессмысленное состязание».

Этот аргумент он уже апробировал на Маргарет Тэтчер во время их беседы в ходе его поездки в Великобританию еще до избрания Генеральным секретарем. Уже тогда он произвел впечатление на «железную леди», достав во время беседы из портфеля составленную советским Генштабом карту, на которой были точками отмечены основные места размещения советских и западных ядерных ракет. Каждая из точек по взрывному потенциалу была эквивалентной трем миллионам бомб, взорванных во время Второй мировой войны.

«Вы можете показать эту карту вашим военным, – сказал он Тэтчер, – и они не удивятся. Я думаю, что у них есть такие же, ведь со временем Советского

“Спутника” у нас с вами друг от друга нет секретов. Мы с вами совместно накопили количество оружия, достаточное, чтобы минимум 25 раз уничтожить друг друга и заодно с нами всю планету. Не пора ли опуститься до уровня хотя бы одного гарантированного обоюдного истребления?».

Такие «нетипичные» для советского руководителя рассуждения настолько поразили Тэтчер, что она не только произнесла на публике ставшую знаменитой фразу о том, что с Горбачевым «можно иметь дело», но и не поленилась слетать за океан, чтобы рассказать своему другу Рональду о своем открытии не похожего на других советского политика.

Несмотря на проведенную обоюдную подготовку, итог первого дня Женевских переговоров, с точки зрения Горбачева, был разочаровывающим. Собрав группу советников, он сказал про Рейгана: «Это динозавр. Его панцирь невозможно прошибить. Карманы у него набиты шпаргалками, которые он зачитывает. Этот саммит может ничего не дать».

Тем не менее задумка Нэнси сработала. После беседы у камина «лед холодной войны» начал таять хотя бы на уровне личных отношений между двумя лидерами. Проникшись симпатией к своему молодому партнеру, Рейган предложил ему перейти на “ты” (что по-английски в любом случае несложно), называя друг друга по имени – Рон и Майкл, а потом неожиданно спросил у нового друга: «Скажи, Майкл, а если бы однажды на США напали инопланетяне, могли бы мы рассчитывать на помощь с советской стороны?». Горбачев его, разумеется, успокоил.

Ни тот, ни другой не могли вообразить, что двадцать лет спустя, 11 сентября 2001 года на Нью-Йорк действительно совершил нападение другая цивилизация, и обещание, данное Рейгану Горбачевым, будет подтверждать уже не советский, а российский Президент.

После нескольких часов изнурительных переговоров между экспертами обе команды договорились пойти на почетную ничью, и два лидера, пожав друг другу руки перед мировой прессой, сделали два символических заявления. Первое о том, что «в ядерной войне не может быть победителей,

поэтому она никогда не должна быть развязана». Второе, более важное: США и СССР обязывались «не стремиться к достижению военного превосходства друг над другом».

…После окончания саммита, торопясь сообщить журналистам о его итогах, из-за оплошности службы безопасности я впрыгнул в кабину уходившего лифта и очутился лицом к лицу с Генеральным секретарем. Его охранник посмотрел на меня свирепо, но при шефе «нейтрализовать» меня было поздно, Горбачев принял меня то ли за лифтера, то ли за сотрудника советской миссии в Женеве и, чтобы не ехать между этажами молча, неожиданно обратился ко мне как к давнему знакомому: «Ну и что ты думаешь насчет саммита?». Стارаясь угадать, что он хочет услышать, я ответил уклончиво: «Будущее покажет, Михаил Сергеевич». – «Я тоже так считаю. До скорого», – сказал он мне на прощание, выходя из лифта и возвращаясь под прикрытием охраны.

Горбачев испытывал смешанные чувства: хотя он и «подружился» с Рейганом, но прорыва в Женеве не состоялось. На «западном фронте» все пока оставалось без перемен. Но он мог, по крайней мере, надеяться, что превратил его в свой тыл. Ведь главное наступление ему предстояло у себя дома, где его ждал огромный фронт работ. А наша с ним новая встреча действительно вскоре состоялась.